

Фольклор — провидение будущего

В крошечном семечке дерева уже закодировано все о будущем дереве: и толщина ствола, и форма кроны, и узор листьев. Таким же семенем судьбы народа является его фольклор: сказки, песни, легенды, предания. В них можно найти все, чему потом суждено случиться с народом: взлеты и падения, роковые опасности, его подстерегающие. Прислушаемся к основным мелодиям русского народного творчества. Сколько раз говорится в русских сказках о третьем, младшем сыне: Иванушка, Иванушка недалеко и нерасчетливый, добрый и беззаботный. Но в наших сказках как-то само собой сказывается, что умные-то слишком умны и злы, а дурак Иванушка вовсе не дурак. И в конце сказки все заслуженное им достается ему. Какое-то поразительное, необъяснимое, иррациональное везение. Но это только на первый взгляд, а в действительности этому везению многое предшествует: и сухая корка хлеба, и бездомные скитания, и желание всем помочь. Что ни поручат — все взваливает он на себя, со всем живым он в любви и братстве: в товарищах у него и Серый волк, и Заяц, и Конек-Горбунок. И как раскрытие всего этого — «везение». Не раз оно сопутствовало и нам, русским: двести с лишним лет свистел над Русью ордынский кнут, казалось, и конца этому не будет — но вдруг Орда как-то незаметно исчезает. Опять «везение»? В 1608—1612 годах поляки доходят до Костромы и Ярославля, все дрябло, рыхло и бесформенно, а через несколько лет как-то почти сама по себе рождается новая и сильная государственность. Многие колокола отзванивали Руси похоронную в 1917—1918 годах. А в 1944 Иванушка уже пел «Калинку» на дорогах Европы.

Илья Муромец тридцать лет сиднем сидел. Не раз бывали в нашей истории такие периоды растительного существования, когда сама жизнь, казалось, еле теплилась, но зато потом яростно стучали топоры, вырастали города в лесу и на болоте, освобождалась накопленная сила. Заморские мудрецы пророчествовали в 1945-м, что России еще пятьдесят лет не подняться из развалин. Но не прошла и половина этого срока, как улыбчивый Иванушка, нацелившись ввысь, впервые сказал: «А ну, поехали». Повезло нам, русским, и с первым нашим великим поэтом Пушкиным, и с первым космонавтом Гагариным: было в них обоих что-то общее, сокровенное.

Много говорится в наших сказках и о дедовой дочке, бедной мачехиной падчерице, которой достается вся работа, все труды. В ласке и холе живет мачехина дочка, но не на ней держится дом. Она и сегодня,

снимая пенки благополучия, все-таки завидует падчерице и пытается вызнать у нее волшебное слово истинного творчества. Но, увы, мачехина дочь, чужая лесу и полю, способна только загребать чужое в свои амбары.

Не раз в наших сказках кричит сестрица Аленушка братцу Иванушке во время бездомных скитаний: Иванушка, Иванушка, не пей из козлиного следочка, не пей из бараньего следочка, не пей грязной воды... Иначе не быть тебе Иванушкой. Услышим же этот дальний завет — не пить воду из грязных источников, сохранить свою суть, свою душу, свое наследие, быть самими собой. Остаться верными тому, с чем связаны тысячелетней историей.

Где-то в лесах за богатырскими заставами живут и давние враги: Кашей Бессмертный, Баба-Яга, Соловей-разбойник. Хитер Кашей и почти бессмертен: спрятана его смерть на далеком лугу, на высоком дубу, в железном сундуке. Вспомним, как тонко чувствует Баба-Яга, где бы она ни была: «Здесь русским духом пахнет». В легенде о Соловей-разбойнике предугадана наша длительная борьба с Диким полем — и кто знает, пропета ли эта песня до конца...

Наши богатыри останавливаются в раздумье у перекрестка трех дорог, у заветного камня, на котором три надписи: направо пойдешь — полонен будешь, налево пойдешь — коня потеряешь, прямо пойдешь — голову сложишь. И выбирают они самую опасную, но и самую интересную дорогу.

В наших сказках не ищут мешки с золотом, а ловят Жар-птицу, отправляются на поиски за живой водой...

Фольклор — это великое наследие, еще не до конца осмысленное. Можно даже поставить вопрос так, какие философские системы соответствуют глубинной основе русского фольклора. Я бы сказал, стоицизм и народный мистицизм в сочетании с этическим идеализмом.

В. Богданов,
Новгород